

*Моим родителям —
с бесконечной
благодарностью*

1

НОВЕНЬКИЙ

Едва они свернули с шоссе, как ему захотелось передумать.

— Может, мне лучше поговорить с моим старым доктором? — сказал мальчик человеку за рулем. — На всякий случай.

— Мы уже приехали.

Это были первые слова, которыми они обменялись с тех пор, как выехали из больницы на рассвете.

— Конечно, но, может быть, стоит проверить...

Машина затормозила и теперь ползла еле-еле. Шофер повернулся и посмотрел на мальчика.

— В больнице мне сказали: или ты попробуешь полегчить здесь, или останешься без лечения совсем. Выбирай.

Мальчик посмотрел на мокрые, мотавшиеся на ветру деревья за лобовым стеклом.

— Я попробую.

— Вот и договорились.

Машина снова набрала ход.

Они проехали мимо рощи, в которой мальчик заметил старую телефонную будку с выбитыми стеклами, потом потянулись зеленые поля, показалась речка, а за ней высились величественные деревья, земля под которыми была усыпана лоснящимися каштанами. Машина свернула и покатила по длинной извилистой подъездной дорожке. Главная дорога скрылась за плотной вечнозеленой живой изгородью.

За очередным поворотом он увидел грязную золоченую калитку и примостившегося на ней мальчика со скрещенными на груди руками. Когда машина подъехала ближе, мальчик спустился и замахал им, подпрыгивая у калитки. Новенький подался вперед на сиденье, чтобы лучше рассмотреть его, но из-за капель на лобовом стекле лицо мальчика расплывалось и искажалось. Шофер вышел из машины, подошел к мальчику и заговорил с ним.

Новенький остался один в машине. Ему хотелось вернуться в больницу.

Может, зря он согласился приехать сюда? Ему вспомнилось, как чьи-то жесткие пальцы мнут ему мышцы, а приемный отец с кем-то переписывается в телефоне. Потом были еще расспросы. Еще анализы. Ночь в больнице, когда из мглы на него напознали непонятные сны и обвивались вокруг дремотных мыслей. Затем, при первых проблесках утра, его грубо потрясли за плечо — это был носильщик, которому не терпелось выдворить его. И, конечно, слова ночной сиделки, которая живописала ему, в какое прекрасное место он попадет после целого дня в дороге.

Шофер вернулся. Открыл дверцу и сунул голову внутрь.

— Ну, тебе пора, — сказал он. Новенький не пошевелился, и тогда шофер добавил уже мягче: — В первый день

на новом месте всегда не по себе, верно? Но у тебя здесь новый друг. Говорит, все тебе покажет.

Новенький подумал, что друзья ему ни к чему. Щелкнув замком, он открыл дверцу и выбрался под проливной дождь.

Тот, другой мальчик был высоким и тощим, его темные волосы насквозь промокли. Рубашка липла к телу, и сквозь ткань отчетливо проступали все бугры и борозды его плеч, ключиц и ребер. На шее висел старый бинокль на кожаном ремешке. Лицо у него было бледное и совершенно круглое, будто тело сбросило весь жир до последнего грамма, оставив только щеки.

— Привет! Меня зовут Фридом. Я сейчас покажу тебе, где тут что.

Этого дурацкого хипповского имени, означавшего «свобода», было достаточно, чтобы новенькому отчаянно захотелось запрыгнуть в машину и попросить шофера все-таки отвезти его обратно, что бы ему ни наобещали.

— Можешь называть меня Фрид, — продолжал Фридом. — Меня все так зовут.

— Ладно.

— Фрид — это сокращенно Фридом. Можно было бы, конечно, называть меня и Дом, но тогда меня бы путали с нашим домом, а это уже слишком.

— Угу.

Похоже, этот мальчик был простоват не только на вид. Шофер хлопнул в ладоши.

— Ну, я поехал.

— Ладно.

— Ладно, — эхом повторил Фрид, хотя шофер явно обращался не к нему.

Новенький подумал, что Фрид, наверное, его ровесник и принадлежит к той вялой и мечтательной разновидности мальчиков, которые живут с нарисованной на лбу

мишенью. В его старой школе таких в первый же день колотили и совали головой в мусорный бак, не задавая лишних вопросов. От таких надо держаться подальше, если не хочешь сам стать мишенью.

Взвизгнув покрывками, машина рванула с места. Мальчики стояли рядышком и смотрели ей вслед. Когда шофер укатил, Фрид спросил:

— Хочешь посмотреть, как мы живем?

От радостного волнения он прямо подпрыгивал на месте.

— Да, конечно.

Новенький вошел следом за Фридом в золотую калитку. Она пронзительно заскрипела под дождем. Решимость новенького снова поколебалась, но он напомнил себе, почему сюда приехал. В конце концов, хуже уже точно не будет.

2

ФРИД

Новенький и Фрид стояли рядышком и смотрели, как шофер уезжает. Новенький был одет не так, как все в Пепельном доме. Брюки Фрида, видимо, когда-то были частью парадного костюма, но теперь покрылись пятнами, обтрепались по низу и стали ему коротки, так что не доставали до кроссовок, оставляя на виду грязные лодыжки. На новеньком были спортивные штаны без единой дырочки или пятнышка. Фрид впервые в жизни застенялся своего вида. Больше всего на свете ему хотелось понравиться новенькому.

Он отбросил с глаз мокрую челку. Одежда — дело десятое. А вот чего жаль, так это того, что сейчас, когда новенькому предстоит впервые увидеть Пепельный дом, не светит солнце — что дым, поднимающийся от стен и крыши, не затмевает небо, что крошечные частицы пепла не смеши-

ваются с пылью, ветер не играет ими и они не оседают на волосах и под глазами у детей. В дождь не так красиво.

Фрид открыл калитку и напомнил себе, что терпение — тоже Благо.

Он провел новенького ко входу в Пепельный дом, украдкой косясь на него, чтобы увидеть, какое у него будет лицо, когда перед ним предстанут мягкие матовые стены, величественные трубы, блестящие окна, окаймленные черной сажой. Он хотел посмотреть, как у того округлятся глаза, как захватит дух. Вскоре калитка и подъездная дорога скрылись из виду, и между ними и Пепельным домом не осталось никаких преград. Они остановились.

— Вот он, — сказал Фрид. — Пепельный дом.

Он залюбовался стенами, источавшими дым. Контуры здания размывались и трепетали под порывами ветра. Дым плыл над блестящей, словно стеклянной, мокрой от дождя травой и пропитывал мир запахом костра. В землю у входа были воткнуты два факела — они горели, несмотря на дождь.

Фрид просиял и подбочился.

— Правда, великолепно?

— А почему пахнет горелым?

— Подойди, потрогай! — взволнованно воскликнул Фрид.

И потащил новенького по траве, не обращая внимания на то, что по их плечам барабанит дождь. Когда они подошли поближе, Фрид уловил аромат стен: дерево, воздух, уголь и что-то смолистое — и все это тлело одновременно, так что запахи смешивались.

— Смотри! — Фрид прижал ладонь к стене. Стена была теплой, и Фрид знал, что если нажимать слишком сильно и слишком долго, то обожжешься. Он прошептал благоговейные слова, какими у них было принято славить Пепел и Блага в своих именах: «Фридом, Свобода, — это Благо».

На белой ладони остался идеальный ровный слой серого пепла. — Теперь ты.

Новенький поднес палец к стене и осторожно погладил ее. На пальце осталось такое же серое пятно.

— Понятно. Этот дом — он что, весь из грязи?

— Какая же это грязь? Это *пепел*! Его создал Директор.

— Но...

— О чем я только думаю! — Фрид хлопнул себя ладонью по лбу. — Нам же надо первым делом дать тебе имя!

Он ринулся к дверям.

— У меня уже есть имя, — окликнул его новенький.

— Какое? — Фрид уже поворачивал железную дверную ручку.

— Ну... это...

Новенький задумался и сдавленно икнул — будто охнул, но хотел это скрыть. Потер лоб, оставив над бровью темное пятно.

— Я н-не знаю.

* * *

В вестибюле были высокий сводчатый потолок и каменный пол. В углу — столик со старым телефоном и табурет. У двери — другой стол, побольше, на нем — металлическая ваза, а над столом на стене — большая деревянная панель с вырезанными на ней надписями. Сначала Фрид подвел новенького к вазе.

Ваза была наполнена металлическими значками размером с большую монету. Фрид стал перебирать их — новенький наблюдал за ним с невольным интересом. Фрид брал два-три значка, внимательно их осматривал и возвращал в вазу. Решение было непростое, и обычно его принимал Директор.

Наконец Фрид выбрал значок. Просто прекрасный — не такой блестящий, как некоторые, зато увесистый

и совершенно гладкий. Проведешь по всей кромке пальцем — и не почувствуешь ни бороздки, ни зазубринки.

Фрид вручил его новенькому и объявил:

— Солитьюд. Уединение.

Новенький недоверчиво оглядел предмет.

— Это что, монетка?

— Значок.

Фрид показал на свой значок, приколотый над сердцем, — ярко-серебристый, с выгравированной птицей.

— Видишь? Свобода. А ты будешь Солитьюд, Уединение, потому что приехал один, а иногда побыть одному — это тоже Благо.

Новенький посмотрел на свой значок. На темно-серой поверхности была выгравирована волчья голова. Новенький явно не знал, что делать с этим подарком, и Фрид помог ему приколоть значок к свитеру.

— Солитьюд, — повторил Фрид, наслаждаясь звучанием нового имени своего друга.

— У вас тут у всех имена в честь...

— В честь Благ. — Фрид потопал, чтобы отряхнуть грязь с кроссовок. — Скоро ты познакомишься с остальными. И узнаешь все имена.

Он поманил новенького за собой через вестибюль. Сквозь высокое окно падал одинокий луч серо-голубого света.

Из вестибюля вело несколько дверей с пыльными ручками, парадная лестница наверх и узкая каменная — вниз, в подвал. Но Фрид, даже не взглянув на них, двинулся к деревянной двери в дальнем конце, отполированной множеством прикосновений: ею часто пользовались.

Они вышли во двор, покрытый растрескавшимся бетоном. Через щели пробивался мох. Дождь усилился.

— В общем, вот учебный корпус, а там — столовая. — Фрид показал на одноэтажные строения вроде сараев. — Это чтобы учиться и есть — наверное, и так понятно... —

Он нервно хихикнул, заметив, что на новенького увиденное не произвело особого впечатления. — С виду они не очень-то, зато мы все помещаемся внутрь. Нам сюда.

Он зашагал через двор к заросшей тропе, которая вела от дома. Солитьюд двинулся следом, теребя значок, потом поднял голову посмотреть, куда они идут.

— Это что?

— Спальни.

Солитьюд остановился.

Фрид обернулся.

— Мы там спим, — объяснил он. Директор предупредил, что новенькому нужно будет время, чтобы освоиться.

— Это же теплица.

Фрид нахмурился. Повернулся, посмотрел на спальни, стараясь представить, как они выглядят для того, кто видит их впервые.

— Ну, там довольно тепло.

— Да нет, я имею в виду — там же выращивают растения, — сказал Солитьюд. — Никто не спит в теплице.

— Почему? Мы спим. Идем, покажу.

Фрид воодушевленно прибавил шаг.

Это было его самое любимое здание, не считая самогó Пепельного дома. Оно было высотой почти с Пепельный дом, и стеклянные стены отливали сине-зеленым, словно крылья жука или перо черного дрозда, а переплеты были кованые, фигурные, рыжие от ржавчины. Внутри был сделан второй этаж — деревянный настил на высоких подпорках. Мальчики жили наверху, девочки — внизу. Девочки попадали в тенистый лабиринт, где они спали, через главный вход. Мальчики обходили здание сбоку и поднимались на верхний этаж по железной лестнице, похожей на рыбий скелет.

По пути вверх Фрид рассказал Солитьюду, как однажды, несколько лет назад, они взяли старые ведра, порвали

на тряпки одежду, которую уже нельзя было носить, обвязались веревками и вымыли стекла по всей крыше и по стенам. Остаток дня здание сверкало и переливалось, будто кружилось под солнцем. Все сидели на лужайке и смотрели на него. Они промокли, веревки натерли им кровавые мозоли, а под ногти забились зеленая слизь, но ради того, чтобы полюбоваться, как плывут по стеклу облака, стоило потрудиться. К сожалению, не прошло и месяца, как стекла снова потемнели от дождя и пепла.

— Вот почему мы не очень часто моем стекла снаружи, — закончил Фрид.

Они добрались до верха. Было еще только начало осени, поэтому разбитые окна пока не стали конопатить одеялами и коврами.

Фрид пропустил Солитьюда вперед.

Новенький некоторое время разглядывал свой новый дом.

— Ничего не понимаю. Такое ощущение, будто вы сами все тут сделали. — Он повернулся к Фриду. — А где, говоришь, этот ваш Директор?

— Мы точно не знаем.

— Но здесь его нет?

— Нет, он уехал.

— Понятно. А... давно его нет, Фрид?

Фрид прищурился и немного подумал.

— Зимой будет три года.

3

СОЛ

Спальня была не спальня, а попросту джунгли. Лишайники и побеги плюща покрывали абсолютно всё. Они плотным кружевом оплетали стеклянный потолок, свисали с металлических балок, ковром застилали пол и мягкими подушками укутывали каркасы кроватей. Высоко над головой цвели запоздалые цветы. Пахло лесом. Тут и там сквозь те стекла, что почище, сочился свет, но все остальное тонуло в зеленой тени от грязного налета и растений.

В спальне было два ряда постелей с проходом посередине. Вместо одних кроватей были ржавые железные каркасы, вместо других — просто тонкие матрасы на полу.

Сольтюд совсем растерялся. Он знал, что дома не строят из пепла и дыма, а эти дети никак не могли прожить здесь, в теплице, несколько лет без посторонней помощи. Но Фрид утверждал именно это.